

УДК 821.161.1.09

ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ 60-Х В КНИГЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ»

© 2010 О.И. Малышкина

Тюменский государственный университет

Поступила в редакцию 25 мая 2009 года

Аннотация: *Статья посвящена изображению общественно-литературной жизни «оттепели» в книге А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом». Всегда эмоциональный и не всегда справедливый взгляд Солженицына сравнивается с позициями других современников.*

Ключевые слова: *русская литература, «оттепель», мемуары.*

Abstract: *The article is devoted to representation of social and literary life of «thaw period» in the Soldzenitsin's book «The calf batted with the oak». Always emotional and not always just look of A. Soldzenitsin is comparing with position of others contemporaries.*

Key words: *Russian literature, «thaw period», memoirs.*

Быстротечный XXI век оставил далеко позади «оттепель» с ее несбывшимися надеждами, но вновь и вновь мемуаристы, литературные критики, авторы киносценариев обращаются к 1960-м годам в поисках ответов на сегодняшние вопросы. В редакционной статье журнала «Искусство кино» (2004, № 5), целиком посвященного эпохе шестидесятых, объясняется неугасающий интерес к этому периоду. Время, в котором мы живем, критикуют за отсутствие энергии, определенности устремлений и дерзости художественных исканий. Оттепель же была ярким, почти революционным десятилетием, полным благородных идей и смелых начинаний.

Воспоминания литераторов и общественных деятелей, посвященные 1960–70-м годам, представляют собой ценнейшие свидетельства о жизни страны в тот знаменательный (несмотря на все противоречия) период. Близость книги А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни» (1975) дневникам и мемуарам позволяет поставить ее в один ряд с другими мемуарными произведениями этого времени.

В те годы такие жанры были весьма популярны. Исследователи объясняют актуализацию литературы non fiction очередным художественным кризисом (Н.Л. Лейдерман); своеобразной ценностью мемуаров, ставших правдивым источником знаний об «изъятый из обращения культуре» (М.А. Литовская); углубленным вниманием к внутренней жизни, сменой «объективного» поиска идентичности на «субъективный» (М. Вагнер-Эгельхафт); отторжением авторитарного слова и стремлением к искренности в литературе (С.В. Рудзиевская). Для писателей мемуары и дневники стали своеобразным способом самоидентификации в ситуации постоянного нравственного выбора, а для читателей могли бы стать новой живой, правдивой литературой.

Не случайно в годы «оттепели» были опубликованы только воспоминания, повествующие о 20–30-х годах XX века (Ю. Олеша, В. Катаев). Дневники, запечатлевшие советскую действительность 60–70-х годов (К.И. Чуковский, Л.К. Чуковская, В.Я. Лакшин, А.И. Кондратович, Ю. Трифонов), и мемуары, охватившие этот период (В. Каверин), были задержаны и пришли к широкому читателю лишь в постпере-

строечные годы. «Теленок» разделил их судьбу. Впервые в России «Очерки литературной жизни» Солженицына были опубликованы в 1991 году на страницах «Нового мира», оказавшись в контексте других возвращенных мемуарных произведений, а также воспоминаний, написанных уже в 1980–90-е годы.

Благодатным материалом для исследования представляется характер изображения «оттепели» у разных авторов 1960–70-х годов, изменение представлений об этом десятилетии в воспоминаниях, созданных позже.

Солженицын в «Теленке» демонстрирует чуткое ощущение исторического времени. Уже в первой части, написанной в 1967 году, автор трезво оценивает общественную ситуацию. «А дальше наоборот, замедлилось – потянулось, как протяжная холодная весна. Стала петлями, петлями закидываться история, чтобы каждого петлею обхватить и задушить побольше шей» [1]. Происходившие преобразования он рассматривает с точки зрения высшей цели – возвращение России к предначертанному ей, но временно утерянному пути развития. Солженицыну важно, что на второй Кремлевской встрече в короткое время была «воссоздана атмосфера нетерпимости 30-х годов»; что участвовавшие после ареста А. Синявского и Ю. Даниэля обыски легко вернули страх в человеческие сердца; что даже в «самый шумный в демократическом движении» 1968 год общество требовало эфемерной свободы, но так и не пришло к переосмыслению истории страны. В результате оттепель в «Очерках...» предстает лишь мгновением, временным послаблением госмашины, которая вскоре вернула жизнь в прежнюю колею. И все же было нечто, что заставляло Солженицына то и дело записывать с восклицательным знаком: «Нет, время не прежнее и мы не прежние!», «Вот времена!», «Это новое время!».

Тогда, воочию наблюдая изменения в общественной и литературной жизни, все пребывали в состоянии надежды. Только степень оптимизма и длительность этого состояния были разными, в зависимости от того, кто чего ожидал. Судя по дневникам А.Т. Твардовского, В.Я. Лакшина, А.И. Кондратовича, новомирцы до расформирования редакции еще угадывали в общественной ситуации добрые знаки и подвижки к лучшему. Ю. Нагибин, добившись выезда за границу, даже в глухие 70-е уловил какой-то сдвиг: «Все-таки сейчас можно пробиться к разуму властьпридержащих, прежде это было невозможно» [2].

В то же время из «Записок об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской видно, что и автор, и героиня даже в первые месяцы после распространения слухов о секретном докладе Н.С. Хрущева не были очарованы. «А счастье было так возможно, так близко...» – сказала я. Вы заблуждаетесь, – от-

ветила Анна Андреевна. – Ничто коренное вовсе не было возможно» [3]. Вряд ли можно найти примеры подобной категоричности в мемуарах и дневниках, созданных в ту пору.

Солженицын определился со своими политическими воззрениями в лагере. В биографии писателя, написанной Л.И. Сараскиной с его одобрения, обозначается, когда произошел перелом в мировоззрении, – в июле 1946 года. «Здесь, в тюремных дискуссиях, среди невиданно свободного разнообразия мнений, впервые за десятилетие пошатнулась вера Солженицына в незыблемость марксизма» [4].

К моменту написания «Теленка» Солженицын не испытывал никаких иллюзий относительно либерализации социалистического общества. Писатель ждал полного краха этой системы. Поэтому в своих «Очерках...» он последовательно отрицает какие бы то ни было «оттепельные» достижения. Например, чудом пробившиеся к читателю мемуары И. Эренбурга и К. Паустовского Солженицын встретил с раздражением: «Писатели, видевшие большую мрачную эпоху, все стараются юзом проскользнуть, не сказать нам ничего главного, а пустячки какие-нибудь, смягчающей мазью глаза нам залепливают, чтобы мы дольше не видели истины» [1].

«Новый мир» он мерил каким-то иным масштабом – не тем, что другие современники. Считал, что «каждый номер его должен был формироваться независимо от сегодняшнего настроения в е р х о в, от колебаний страхов и слухов – не в пределах разрешенного вчера, а каждым номером хоть где-то раздвигая пределы» [1]. Между тем мемуаристы и в наши дни пишут о «Новом мире» Твардовского как о самом свободном журнале, откликающемся на требования времени, отражающем новейшие литературные тенденции. В конце 1970-х годов В. Каверин спорил с Солженицыным: «И то сказать, он действительно показал непонимание значения «Нового мира», который существовал для всех иных писателей, а не только для него» [5]. Готовя свой дневник к публикации, В. Лакшин вспоминал: «В пору издания «Нового мира» Твардовского этот ежемесячник стал особо мощным магнитом для людей, жаждавших правды, стремившихся широко и свободно мыслить, проклинавших сталинский террор и мечтавших о новых путях для страны» [6]. Дело в том, что автор «Теленка» был убежден: «Марксизм не был для «Нового мира» принудительным цензурным балластом, а так и понимался, как учение Единственно-Верное, лишь бы было исходно-чистым» [1]. Поэтому журнал, ставший духовным лидером шестидесятиничества, казался Солженицыну безнадежно отставшим от бега истории. Как показало время – не только ему. М. Эдельштейн в статье по по-

воду выхода трехтомника В. Лакшина (М., 2004) пишет: «На самом деле ощущение недостаточности «новомировства» возникло задолго до разгона возглавляемой Твардовским редколлегии и могло порождаться в равной степени как идеологическими, так и эстетическими, и даже общемировоззренческими причинами» [7]. Тем не менее, эта точка зрения остается исключением среди всеобщего признания заслуг «Нового мира».

Больше всего споров вызвал портрет А.Т. Твардовского, созданный Солженицыным. Ко времени написания «Бодался теленок с дубом» Твардовскому было посвящено множество литературоведческих и критических работ, в которых он предстал как благополучный поэт, лауреат государственных премий, редактор самого весомого литературного журнала. Заслуга Солженицына в том, что он одним из первых заговорил о трагедии художника. Он изобразил, как в Твардовском борются врожденная крестьянская мудрость, понимание человеческого бытия и постулаты советской идеологии, привнесенные извне. Жизненная правда никак не укладывалась рядом с партийной, «и, как воздух, нужно было ему, чтоб эти две правды не раздваивались, а сливались» [1]. По Солженицыну, весь творческий путь поэта — это путь назад, к идеалам русской литературы с ее святым подходом к жизни, путь освобождения от идеологических стереотипов.

Множество страниц автор «Очерков литературной жизни» посвятил описанию деятельности Твардовского на посту главного редактора, воссозданию истории их непростых взаимоотношений. Но главный предмет творческого исследования Солженицына — мировоззренческая эволюция поэта.

Ощущая величие фигуры Твардовского, о нем писали все, кому довелось столкнуться с поэтом в делах литературных или просто в быту. В целом писатели всегда отзывались о редакторе «Нового мира» с почтением¹, бывшие «соредакторы», как называл их Твардовский, писали и пишут о своем начальнике с неизменной теплотой². Со временем тема злоупотребления алкоголем перестала восприниматься как бестактная³, некоторые литераторы высказались о слабости отдела поэзии в журнале Твардовского⁴. И все же по сравнению с другими мемуарами отношение Солженицына к своему герою остается самым критичным, самым требовательным. При всей небесспорности его позиции, образ поэта в «Теленке» стал одним из самых значимых среди портретов Твардовского, созданных писателями.

Другие литераторы и общественные деятели, изображенные в «Очерках...», за редким исключением (А.С. Берзер, М. Ростропович, А.Д. Сахаров, И. Шафаревич и др.) устаиваются крайне отрицательного авторского отношения. Раздавая

краткие образные характеристики («отъевшаяся лиса!», «мурло, но отчасти комическое», «разъяренный скорпион на задних ножках», «лицо подобное холеному пухлому месту»), Солженицын клеймит не только своих врагов, но и тех, кто по каким-либо причинам не стал его союзником.

Наиболее часто упоминаемые мемуаристами имена К. Федина, К. Симонова и М. Шолохова обычно звучат в том же негативном контексте, что и у Солженицына. У современников есть интересные совпадения в восприятии писательской братии. Под впечатлением от второго писательского съезда Ю. Нагибин записал в своем дневнике: «Вот уж вспомнить гоголевское: ни одного лица, кругом какие-то страшные свиные рыла» [2]. Солженицын во втором дополнении 1971 года делится: «Давно мечтаю: какой-нибудь фотограф приготовил бы такой альбом: **Диктатура пролетариата**. Никаких пояснений, никакого текста, только **лица** — двести-триста чванных, разъеденных, сонных и свирепых морд...» [1]. И. Эренбург и авторы более поздних воспоминаний⁵ писали с оправдательными интонациями об А. Фадееве, но сравнить эту точку зрения с солженицынской не представляется возможным, так как автор «Теленка» обошел вниманием секретаря правления Союза писателей.

Несмотря на близкие позиции мемуаристов, на фоне других «Очерки...» Солженицына выглядят судебным приговором. «Если человек на стороне автора — хороший, если против — непременно мерзавец. Если за Солженицына, но связан по рукам и ногам идеологией и советской властью — слабак» [8]. Не терпящее полутонов, претендующее на место объективной истины слово писателя не только ранит его противников, но заставляет читателя усомниться в правомерности столь резких высказываний.

В работах, посвященных воспоминаниям писателей, большое внимание уделяется этическому аспекту в изображении современников. В. Катаев, книга которого «Алмазный мой венец» большинством была воспринята как мемуары, заслужил бурю негодования среди критиков за то, что он изобразил великих современников в низменном свете. А. Когана удивляет в «Дневнике» Ю. Нагибина, что почти все суждения автора о писателях и их нравах негативны: «Порадоваться чужой удаче — это было не в его характере...» [9]. В умении Н. Коржавина видеть в людях только хорошее А. Турков усматривает «притягательнейшую черту книги и самой личности автора» [10]. Мемуаристам не отказано в праве выражать отрицательное отношение к кому-либо, но с оговоркой на собственную субъективность. Это требование продиктовано источниковедческим подходом, при котором мемуары оцениваются с

точки зрения их объективности и достоверности. Литературоведческий подход предполагает создание в мемуарах индивидуального художественного мира, поэтому не ограничивает свободу автора в воплощении образов современников.

В книге «Бодался теленок с дубом» сквозь строчки сочится ненависть к идее социализма и ее апологетам. Солженицын указывал на то, что советская власть давно отстала от века, не разбирается в реальном положении дел, глупа, недалновидна, не способна на разговор на равных и понимает только язык силы. «Лишил их Бог разума на их погибель, давно лишил (а всё не гибнут). В международной политике они справляются неплохо — потому что Запад перед ними едва ли не на коленях, потому что все *прогрессисты* перед ними заискивают, — а вот во внутренней почти всегда *наши* выбирают худшее для себя решение из всех возможных. При отсутствии свободных собеседников это не может быть иначе» [1]. «Теленок» оказался пророческой книгой. Уже тогда, в конце 60-х Солженицын писал о неизбежном крахе советской государственной системы, который наступил лишь через четверть века.

Современники Солженицына, пишущие свои мемуары и дневники в 1960–70-х годах, тоже ощущали недостаточность оттепельных перемен. Даже в дневнике В. Лакшина, которого потом упрекали в «тепловатом либерализме», прорываются возгласы отчаяния: «У нас все держится на полуправде. Она почтеннее, чем ложь. Сказать правду — значит совершить что-то непристойное, испортить воздух, например, в приличном обществе» [6]. В том же 1960 году, когда о засилии лжи писал В. Лакшин, Ю. Нагибин сделал запись в своем дневнике, в котором в принципе редко отвлекался на общественные проблемы: «Быть может, оттого, что вокруг творился неистовый смрад, шло яростное уничтожение того немногочисленного, что было дано после марта 1953 года, и мощно воняло трупом Сталина, собственный распад как-то обесценился, утратил значительность» [2]. К.И. Чуковский, рассказывая отдельные эпизоды из литературной жизни, с обескураживающей простотой обнаруживал глупость и жестокость власти, запустившей свои щупальца в литературу. Например, выдержав проработочную беседу с малоизвестным чиновником 11 ноября 1962 года, он сокрушался в своем «Дневнике»: «Это потрясло меня. Я и не знал, что при каком бы то ни было строе всякая малограмотная сволочь имеет право кричать на седого писателя» [11]. Немного позже, в 1978 году, В. Каверин констатировал: «Печать немоты лежит на событиях, уродливо перестроивших весь нравственный строй или утопивших его в болоте равнодушия и цинизма. Обдуманная фальсификация истории остро и болезненно отражается на развитии искусства.

Зачеркивание прошлого, охватившее все стороны жизни, продолжается» [5].

Но мало кто из мемуаристов проявил такое же, как у Солженицына, последовательное отрицание государственной системы. Лишь с распадом Советского Союза и приходом гласности в печати появился поток мемуаров, в которых литераторы откровенно делились своими размышлениями о том времени, в котором им довелось жить и работать. Так, в воспоминаниях Н. Коржавина ключевым для передачи особенностей существования в советском государстве стало слово «патология». По его мнению, тогдашняя культурная жизнь была «не только «дракой собак под ковром», как определил политическую жизнь СССР У. Черчилль, а еще и дракой изнасилованных подсознаний. Все это было последствием непрерывно проводившегося Сталиным разрушения семантики — подмены смысла слов и понятий» [12]. Н. Коржавин помнит, когда он окончательно отказался от идеологии, — после прочтения в начале 1957 года статьи в «Правде», в которой три венгра поддерживали подавление народного восстания советскими войсками. Это освобождение было плодом активной самостоятельной духовной и мыслительной работы поэта. «Сколь ни долог и драматичен был этот страдальный путь освобождения, Коржавин прошел его куда раньше многих» [10]. Но как органичен холодный взгляд на «оттепельные» годы для Н. Коржавина, так же естественны благодарные воспоминания для многих других (Ю. Трифонов, В. Лакшин и др.).

В литературоведении возник спор, были ли шестидесятники социалистами. П. Спивак выделил два этапа развития общественного сознания в годы оттепели. Заложено известным очеркистом «овечкинское» сознание «ориентируется не на демократизацию общества (которая предполагает перераспределение власти и создание новых, независимых структур управления и информации), а на либерализацию, то есть на сохранение основ системы в смягченном варианте» [13]. Вместе с выходом «Одного дня Ивана Денисовича» зародилось сознание шестидесятников — демократическое в полном смысле слова. Мало кто откликнулся на призывы П. Спивака учитывать второй этап в движении шестидесятничества. В более поздних работах прослеживается устоявшееся (видимо, не обоснованно) представление о подвижниках «оттепели» как о борцах за «социализм с чистым лицом». В.А. Чалмаев в книге о Солженицыне (М., 1994) пишет о поверхностном либерализме шестидесятников, в том числе всех новомирцев во главе с А.Т. Твардовским. В. Лакшин у разных авторов предстает убежденным социалистом⁶.

Надо признать, что лишь личности незаурядного ума способны решить, что они живут не в том государстве, которое бы соответствовало челове-

ческим идеалам гуманности и справедливости. И те люди, которые в 1960-е годы вышли за пределы общепринятых норм, оценили настоящий момент жизни своей страны в исторической перспективе, достойны считаться выдающимися представителями своего поколения. Среди них — Солженицын.

За написание «Очерков...» он взялся сразу после завершения работы над «Архипелагом» — книгой, которая стала могильной плитой на социалистическом учении во всем мире. В это же время Солженицын приступал к созданию «Красного колеса» — эпопеи о русской революции. «Если бы Солженицын не писал в те годы «Красного колеса», <...> если бы сквозь «ГУЛАГ» не прoderнута была мысль о победе над Злом через страдания, личное покаяние, то <...> вероятно, разлад с так называемым «шестидесятничеством» (иное обозначение тепловатого либерализма) не обозначился бы столь явно» [14].

У Солженицына общественно-литературная ситуация оттепели изображена как бессмысленное барахтанье слабосильных противников, которые к тому же и не противники вовсе, и защищают одну и ту же идею. В дневниках и мемуарах других литераторов эти годы предстают временем отчаянной борьбы и духовных преобразований, временем ежедневного нравственного выбора. Идеи, близкие солженицынским, можно встретить в воспоминаниях, написанных позже — после 1980-х годов. В.А. Чалмаев, например, отмечает сходство в восприятии общественной жизни у Солженицына и Н. Коржавина.

В целом писатели, создавшие дневники и мемуары в 60–70-е годы или вспоминаящие об этом времени позже, открывают литературную ситуацию «оттепели» с разных сторон. «Очерки литературной жизни» Солженицына, публицистические, насыщенные пафосом гражданственности, занимают соответствующее место в корпусе мемуарных произведений, посвященных 60-м годам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чуковский К.И. Дневник. Т. 2: 1930 — 1969. — М., 2003; Трифонов Ю. Записки соседа // Дружба народов. — 1989. — № 10; Залыгин С. О Твардовском // Новый мир. — 1990. — № 6; Каверин В. Эпилог: Мемуары. — М., 1997 и др.

2. Лакшин В.Я. Твардовский // В его кн.: Вторая встреча. Воспоминания и портреты. — М., 1984; Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953 — 1964). —

М., 1991; Кондратович А.И. Новомирский дневник (1967-1970). — М., 1991.

3. Нагибин Ю.М. Дневник. — М., 1996. — С. 235.

4. Синельников М. Там, где сочиняются сны // Знамя. — 2002. — № 3. — С. 168.

5. Каверин В. Эпилог: Мемуары. — М., 1997. — С. 329; Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания в 2 кн. Кн. 2. — М., 2006. — С. 716.

6. Оклянский Ю. Путеводитель // Вопросы литературы. — 2001. — № 2. — С. 250; Эдельштейн М. Прощание с шестидесятыми // Знамя. — 2005. — № 8.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: очерки литературной жизни. — Paris: Ymka-Press, 1975. — 629 с.

2. Нагибин Ю.М. Дневник. — М.: Издательство «Книжный сад», 1996. — 704 с.

3. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В. 3 т. Т. 2: 1952 — 1962. — М.: «Согласие», 1997. — 832 с.

4. Сараскина Л.И. Александр Солженицын. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 935 с.

5. Каверин В. Эпилог: Мемуары. — М.: Аграф, 1997. — 560 с.

6. Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953 — 1964). — М.: Книжная палата, 1991. — 269 с.

7. Эдельштейн М. Прощание с 60-ми (перечитываемая Лакшина) // Знамя. — 2005. — № 8. — С. 198 — 204.

8. Князев С. Проза жизни // Звезда. — 1997. — № 2. — С. 222 — 226.

9. Коган А. Признания изломанной души [рец. на кн. Нагибина Ю. Дневник. М., 1995] // Литературное обозрение. — 1996. — № 4. — С. 100 — 105.

10. Турков А. «Напряженный духовный опыт...» // Дружба народов. — 2006. — № 9. — С. 211 — 214.

11. Чуковский К.И. Дневник. 1901 — 1969: В 2 т. Т. 2: Дневник. 1930 — 1969. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. — 671 с.

12. Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи: Воспоминания в 2 кн. — М.: Захаров, 2006. — 816 с., 745 с.

13. Спивак П. Когда началось литературное сегодня? К спорам о шестидесятничестве и о «Новом мире» времен Твардовского // Вопросы литературы. — 1991. — № 4. — С. 3 — 36.

14. Чалмаев В.А. Солженицын: Жизнь и творчество: Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1994. — 258 с.

Малышкина О.И.

Тюменский государственный университет.

Аспирантка филологического факультета,
кафедры русской литературы.

e-mail: skopchenko1@rambler.ru

Malishkina O.I.

Tyumen State University.

Post-graduate student in philological faculty,
department of Russian literature.